

**В Диссертационный совет Д 503.001.01
на базе федерального государственного
научно-исследовательского учреждения
«Институт законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»
117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34**

ОТЗЫВ

официального оппонента

**на диссертацию Глазунова Алексея Юрьевича на тему «Защита
имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ
на примере отдельных институтов гражданского права»,
представленную на соискание ученой степени кандидата юридических
наук по специальности 12.00.03 – гражданское право,
предпринимательское право, семейное право, международное частное
право**

Диссертация Глазунова А.Ю. «Защита имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ на примере отдельных институтов гражданского права» посвящена исследованию проблем, связанных с защитой имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ.

Актуальность избранной Глазуновым А.Ю. темы диссертационного исследования не вызывает сомнений. Именно имущественные права и интересы участников во многом определяют основные цели и смысл существования корпорации, а также формируют тот важный нерв, вокруг которого зачастую складываются корпоративные отношения и возникают многочисленные корпоративные споры. Несмотря на получающую все более и более широкое распространение теорию защиты посредством норм корпоративного права интересов всех так или иначе вовлеченных в деятельность корпорации третьих лиц (так называемая теория «стейкхолдеров»), нельзя не согласиться с тем, что отсутствие достаточных и эффективных механизмов защиты имущественных прав и интересов участников может оказать негативное влияние на состояние экономики государства, снижая стимулы для привлечения инвестиций.

Автором представленного диссертационного исследования достаточно убедительно показано, что уже предусмотренные в отечественном корпоративном законодательстве способы защиты (в частности, возмещение убытков и оспаривание сделок посредством косвенного иска, оспаривание решений собраний участников, исключение участников) во многих случаях не позволяют достигнуть цели действенного восстановления нарушенных имущественных прав и интересов участников

корпораций, даже когда речь идет о наиболее типичных и распространенных злоупотреблениях, допускаемых участниками корпоративных отношений.

О практической значимости проведенного исследования свидетельствует и судебная практика по корпоративным спорам, в которой все более и более значительный удельный вес занимают споры, возникающие в обстоятельствах причинения ущерба участникам хозяйственного общества, а не самому обществу. Данный тезис находит яркое подтверждение и в вызвавшем широкий резонанс Обзоре судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом ВС РФ 25.12.2019 г., значительная содержательная часть которого в той или иной степени выводит на проблематику защиты имущественных прав участников хозяйственных обществ (в частности, в связи с невыплатой дивидендов, размыванием долей участия, совершением сделок на нерыночных условиях, выкупом акций и долей миноритариев). При этом автором убедительно доказывается, что в условиях ограниченного арсенала средств защиты имущественных прав и интересов участников суды зачастую оказываются вынуждены прибегать к достаточно неординарному толкованию существующих норм, что, однако, далеко не всегда позволяет достигнуть конечной цели, состоящей в действенном восстановлении нарушенных интересов участников.

Таким образом, актуальность темы исследования и рассматриваемых в нем проблем обусловлена необходимостью разработки в российском корпоративном праве новых механизмов защиты имущественных прав и интересов участников, которые позволяли бы эффективно защищать их от злоупотреблений других участников корпоративных отношений.

С учетом обозначенной выше актуальности и проблематики исследования разумными и обоснованными представляются поставленные автором цели диссертационного исследования: (1) установление критериев разграничения опосредованной модели защиты (как получившей наиболее широкое развитие в российском корпоративном праве) и непосредственной модели защиты (как требующей своего развития в отечественном корпоративном праве) имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ; а также (2) в условиях действия принципа специалитета корпоративной ответственности - обоснование и разработка специальных способов защиты имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ в рамках непосредственной модели защиты.

С моей точки зрения, автору удалось всесторонне и объективно изучить заявленные в работе объект и предмет исследования, раскрыть тематику исследования, достигнуть заявленных целей и решить поставленные задачи.

Структура диссертации соответствует заявленным автором целям и позволяет логично и последовательно продвигаться к решению поставленных задач. Представленная диссертация состоит из введения, четырех глав,

включающих в совокупности четырнадцать параграфов, заключения, списка сокращений и условных обозначений и списка использованной литературы.

В главе 1 «Непосредственная и опосредованная модели защиты имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ» проведены анализ, сопоставление и разграничение двух моделей защиты имущественных прав и интересов участников: непосредственной и опосредованной.

В трех последующих главах диссертации автор обосновывает и разрабатывает специальные способы защиты имущественных прав и интересов участников в рамках непосредственной модели защиты.

Глава 2 «Ответственность участника хозяйственного общества непосредственно перед другим участником» посвящена институту прямой ответственности участника перед участником в форме возмещения убытков. В рамках данной главы автор рассматривает отдельные наиболее типичные примеры причинения одним участником непосредственного ущерба другому, проводит анализ уже существующих в российском праве достаточно узких и редких примеров прямой ответственности участника перед участником в форме возмещения убытков, обращается к опыту зарубежных государств (Франция, Германия, Великобритания и США), а также *de lege ferenda* обосновывает институт прямой ответственности участника перед участником с точки зрения российского права и раскрывает содержание такого института через призму основных элементов ответственности в российском гражданском праве.

Глава 3 «Защита имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ посредством возмещения отраженных убытков» посвящена институту возмещения отраженных убытков участников как еще одной возможной форме защиты имущественных прав и интересов участников в рамках непосредственной модели защиты. В данной главе диссертант раскрывает содержание категории отраженных убытков, проводит комплексный политико-правовой анализ возможных аргументов в пользу и против введения правила о допустимости взыскания участниками отраженных убытков, рассматривает опыт зарубежных стран (Франции, Германии, Великобритании и США) в контексте института отраженных убытков, а также обращается к проблематике отраженных убытков в российском праве (в плоскостях *de lege lata* и *de lege ferenda*).

Глава 4 «Защита права на получение дивидендов участниками хозяйственных обществ» посвящена проблематике защиты права участников на получение дивидендов. В рамках данной главы автор оценивает возможности защиты права участников на получение дивидендов в действующем российском законодательстве, производит политико-правовой анализ права на получение дивидендов через призму сопоставления особенностей дисперсной и концентрированной систем акционерного капитала, обосновывает и разрабатывает специальный комплексный способ защиты права на получение необъявленных дивидендов, а также анализирует

ключевые проблемы, связанные с возможной имплементацией данного способа защиты в российское корпоративное право (и предлагает возможные способы их решения).

Проведенное Глазуновым А.Ю. исследование обладает как теоретической значимостью, так и имеет четкую практическую направленность. Автор высказывает целый ряд важных и интересных предложений, которые могут быть полезными при подготовке проектов нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в сфере защиты имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ. Выводы и предложения диссертанта могут использоваться в правотворческой и правоприменительной деятельности, а также в учебном процессе.

Так, на ст. 46-47 и др. мы можем видеть позицию автора о соотношении понятий субъективное право и интерес; на стр. 65 и др. содержатся интересные выводы об исчислении сроков исковой давности по косвенным искам; на стр. 91 и др. о принципе специалитета корпоративной ответственности; на стр. 95 и др. о различных правовых последствиях признания решения о реорганизации недействительным и несостоявшимся; на стр. 183 и др. о соотношении косвенного и деликтного исков.

Диссертация обладает научной новизной, которая выражается в том, что автор установил критерии разграничения непосредственной и опосредованной моделей защиты для российского правопорядка, констатировал недостаточность существующих средств защиты и необходимость развития форм непосредственной модели защиты на законодательном уровне, рассмотрел конкретные формы непосредственной модели защиты, такие как институт прямой ответственности участника перед участником, защита участников посредством возмещения отраженных убытков, а также специальный способ защиты права на получение необъявленных дивидендов, предполагающий, среди прочего, принятие судом позитивного волезамещающего решения. Не с каждым тезисом автора мы могли бы безоговорочно согласиться, однако совершенно очевидно можем констатировать, что автор провел самостоятельное исследование, аргументированно обосновал свою позицию, опираясь на изучение позитивного права и правоприменительной практики, а так же широкий круг доктринальных источников.

Безусловным достоинством работы является использование сравнительно-правового метода исследования. При этом особую ценность представляет собой то, что автор хотя и обращался к опыту зарубежных юрисдикций (относящихся как к англо-саксонской, так и к континентально-европейской правовой семье), тем не менее, критически воспринимал данный опыт, оценивал соответствующие институты через призму российского корпоративного права и стремился привлечь во внимание и разрешить те трудности, которые могли бы возникнуть в случае имплементации соответствующих правовых институтов в позитивное право России.

Значительное внимание в рамках проведенного исследования диссертант уделил достаточно распространенной на практике ситуации, когда участник несет прямые убытки вследствие злоупотреблений другого участника, и такие убытки не являются следствием причинения убытков корпорации. Автором убедительно, с нашей точки зрения, обоснована необходимость введения в российское корпоративное право института прямой ответственности участника перед участником в форме возмещения убытков. При этом, хотя аналогичные предложения высказывались и ранее в доктрине, большую теоретическую и практическую ценность представляет собой то, что автор представленной диссертации не ограничился оценкой зарубежного опыта, но и предложил (в параграфе 2.4) подробное обоснование конструкции прямой ответственности участника перед участником через призму основных элементов ответственности в российском гражданском праве, а также обратился к чрезвычайно важной в контексте подобных споров проблеме распределения бремени доказывания.

Особую ценность также представляет то, что диссертант при разработке конкретных способов защиты в рамках непосредственной модели защиты имущественных прав и интересов участников предпринял анализ с разных сторон, учитывая не только объективно существующую потребность в действенной защите имущественных прав и интересов участников, но и интересы иных вовлеченных субъектов: в частности, интерес иных участников, самой корпорации, ее кредиторов. Осознавая риск возможных злоупотреблений рассмотренными в диссертации средствами защиты, автор также предлагает определенные ограничительные механизмы: в частности, применение правила делового решения, установление критериев противоправного поведения, механизмы распределения доказательственных презумпций, исключительное и субсидиарное применение средства защиты в виде возмещения отраженных убытков.

Научные выводы и предлагаемые автором рекомендации для нормотворчества соответствуют критерию достоверности. Достоверность полученных диссертантом выводов и предложений обеспечивается грамотным применением научных методов познания, значительной теоретической и эмпирической основами исследования. Автор провел анализ широкого круга нормативных источников, регламентирующих вопросы защиты имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ, комплексно изучил теоретические положения российской и зарубежной доктрины гражданского и корпоративного права, российские и зарубежные судебные акты.

Вынесенные на защиту положения являются обоснованными, сопровождаются достаточной аргументацией, логично следуют из основного содержания и структуры работы, согласуются с использованными методами и предметом исследования. Результаты исследования нашли свое отражение в научных статьях диссертанта, опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией

Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, а также сообщались автором на научно-практических мероприятиях.

В своей работе автор сформулировал целый ряд интересных выводов и положений, обладающих научной новизной и представляющих интерес для современной науки гражданского права.

Так, следует поддержать выносимое на защиту положение 1, в котором автор обосновывает целесообразность дифференциации опосредованной и непосредственной моделей защиты по критерию направленности защиты интересов.

Разделяю позицию автора, содержащуюся в положении 3, выносимым на защиту, что в условиях высокого уровня концентрации акционерного капитала для нашей страны актуальным является введение института ответственности участника перед участником. Действительно, опосредованная модель защиты далеко не позволяет защитить имущественные права и интересы участников в ситуации, когда имущественный ущерб причиняется непосредственно самому участнику и не является следствием ущерба корпорации.

В целом анализ диссертационной работы позволяет говорить о том, что диссертант показал себя сформировавшимся ученым, способным к глубокому осмыслению теоретических и практических правовых проблем.

При всех вышеизложенных достоинствах данная диссертация, как и всякая творческая научно-исследовательская работа, не лишена ряда недостатков и спорных утверждений, в том числе в положениях, выносимых на защиту.

1. Касательно положения 2, выносимого на защиту, соглашусь, что расширительное судебное толкование существующих норм, не всегда эффективно и даже правомерно, в том числе и в вопросе смешения прямого и косвенного исков, однако хотелось бы, чтобы рассматриваемое положение для обеспечения его самодостаточности содержало бы перечень и обоснование способов непосредственной защиты прав и интересов участников, а не просто констатацию необходимости закрепления модели непосредственной защиты на законодательном уровне.

2. Интересно положение 3, выносимое на защиту, в части наличия у участников фидуциарных обязанностей перед другими участниками и иерархии этой обязанности в системе корпоративных отношений. По мнению автора, «объем и интенсивность таких обязанностей должны быть выше, чем общая обязанность действовать добросовестно и не допускать злоупотребление правом (п. 3 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ), но ниже, чем фидуциарные обязанности добросовестного и разумного поведения директоров хозяйственных обществ». Автор упоминает о принципе большинства в корпорации, однако не делает явного вывода: фидуциарные обязанности в этом объеме должны нести все участники, независимо от размера доли и статуса корпорации (публичная, непубличная)?

3. С положением 4, выносимым на защиту, о перенесении правила делового решения на принятие участниками решения на общем собрании стоит согласиться, поскольку суды не должны оценивать коммерческую составляющую решений участников хозяйственных обществ (стр. 22-23). С другой стороны, прослеживается непоследовательность позиции автора, так как в положении 8, выносимом на защиту, указано, что суд должен обладать возможностью принять волеизъявляющее решение, в котором будет определен размер подлежащих выплате дивидендов. Как мне представляется, правило делового решения станет препятствием для суда при оценивании решений участников хозяйственных обществ о невыплате дивидендов или выплате в заниженном размере, поскольку реализация права на получение дивидендов и решения об их выплате или невыплате являются наиболее экономически пронизанными вопросами в рамках деятельности хозяйственных обществ, что автор диссертации сам и подтверждает. Действительно, без оценки судом коммерческой составляющей решения участников, которое он признает недействительным, и прогнозирования на основе этого своего судебного решения по выплате дивидендов, которое он должен будет принять, принять судом такое решения судом будет затруднительно.

Автором не рассмотрен существенный вопрос о том, кто будет нести ответственность при волеизъявляющем решении суда о выплате дивидендов в случае, если такое решение повлечет возникновение у общества убытков.

В целом отмечу, что с большой осторожностью отношусь к концепции волеизъявляющего решения суда по разным причинам, в том числе не уверена, что российская правовая система может справиться с такой задачей в силу загруженности судов, отсутствия соответствующего опыта у российских судей, вырастающих из помощников суда, а не назначаемых на судебскую должность после практики в сфере предпринимательства, как это происходит в других странах.

4. Автор приводит следующие примеры в качестве обоснования наделения суда возможностью принимать волеизъявляющее решение с целью определения размера дивидендов, подлежащих выплате (стр. 222-223):

(1) определение цены договора в соответствии с п. 3 ст. 424 ГК РФ;

(2) назначение судебного штрафа (астрента) в соответствии п. 1 ст. 308.3 ГК РФ.

Однако приведение таких примеров для обоснования наделения суда возможностью принимать волеизъявляющее решение с определением размера дивидендов, подлежащих выплате, представляется не совсем корректным или убедительным в силу следующего.

Согласно п. 3 ст. 424 ГК РФ суд руководствуется той ценой, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги, и данная логика действительно может применяться судом при определении размера дивидендов. Однако, при определении цены по договору суд, как правило, обладает широкой выборкой схожих договорных

правоотношений, существующих на рынке между участниками гражданского оборота, на которые он может ориентироваться, в то время как в российской действительности мало примеров выплаты дивидендов, что подтверждает и сам автор (стр. 226-227). Данный факт поставит перед судами серьезную проблему определения «сравнимых обстоятельств и аналогичных ситуаций» в силу малой выборки при определении размера дивидендов, что приводит к тому, что аргументация, обосновывающая волезамещающее решение по п. 3 ст. 424 ГК РФ, не может использоваться для обоснования волезамещающего решения при выплате дивидендов.

Основной функцией астрента в соответствии с п. 1 ст. 308.3 ГК РФ является стимулирующая функция, заключающаяся в обеспечении скорейшего исполнения решения суда. Астрент является санкцией, применяемой к лицу, за неисполнение решения суда. Следуя логике автора, все иные санкции, устанавливаемые решением суда в рамках гражданско-правовой ответственности, тоже назначаются на основании волезамещающих решений. Верен ли такой подход, что при неопределенности подлежащей взысканию суммы убытков суды принимают волезамещающие решения?

5. Положение 7, с моей точки зрения, представляет собой скорее постановку проблемы, чем ее решение.

6. Интересно предложение автора, что применительно к российскому праву оптимальным и сбалансированным является подход, согласно которому срок исковой давности по косвенным искам исчисляется с момента, когда об основаниях его подачи и о надлежащем ответчике узнало или должно было узнать первое незаинтересованное лицо. Однако для меня не совсем ясными оказались критерии определения первого незаинтересованного лица. Например, незаинтересованный участник более ограничен в информации, чем незаинтересованный член совета директоров, то есть второй скорее всего узнает о сделке существенно раньше. Хотелось бы, чтобы автор конкретизировал, каким образом исчислять срок исковой давности при наличии нескольких незаинтересованных лиц (стр. 67-68).

7. Автором не рассмотрен аргумент о том, что отраженные убытки – это следствие риска владения акциями и (или) долями в уставном капитале хозяйственных обществ, который участник на себя принимает. По сути убытков в контексте ГК РФ у участника общества не возникает, поскольку падение стоимости акций будет являться экономическим эффектом от участия в хозяйственном обществе, состав гражданского правонарушения в данном случае может отсутствовать.

Конечно, взыскание отраженных убытков не может стать универсальным способом защиты прав участников и фактически будет нуждаться в серьезной оценке перед каждым его использованием. Сам автор описывает большое количество условий для взыскания отраженных убытков, практически все из которых являются оценочными (стр. 170-171, 184-185). Представляется, что с законодательным закреплением подобной конструкции

возникнут проблемы, и автором пока не предложены возможные пути решения данной проблемы.

8. Представляется, что убытки, причиненные ликвидационной комиссией, являются скорее прямыми, нежели отраженными, так как общество находится в стадии ликвидации (от общества как юридического лица уже практически ничего не остается, оно не ведет деятельность и нет смысла возмещать ему убытки), а вот участникам убытки могут быть причинены, потому что их интересы напрямую отражаются уже в объеме имущества, которое они получают после ликвидации общества (стр. 180).

9. В части проблемы, рассматриваемой на стр. 124-125 диссертации, хочется задать вопрос автору, кто определяет объективную потребность необходимости увеличения уставного капитала хозяйственного общества? Российские суды в силу традиции формального рассмотрения спора и загруженности не смогут дать объективную оценку событиям. В частности, требует специального рассмотрения вопрос, что обозначает «обусловленность интересами общества»?

10. Параграф 4.3 диссертационной работы (стр. 201) именуется «Защита прав на получение дивидендов посредством специального способа и его соотношение с иными возможными способами защиты...», что не создает определенности названию параграфа. Как ниже определяет сам автор этот специальный способ является требованием выплаты необъявленных дивидендов в судебном порядке.

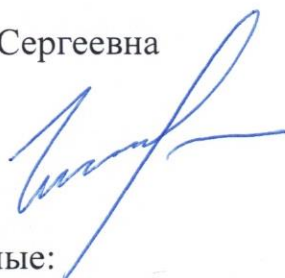
Замечу, что все указанные мною выше замечания и комментарии никоим образом не умаляют значимости диссертационного исследования и общей положительной оценки работы. Диссертация является самостоятельной и завершенной квалификационной работой, в которой содержатся новые научно-обоснованные положения и решение научной задачи, имеющей значение для науки гражданского и корпоративного права, что свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку.

Диссертация Глазунова А.Ю. соответствует всем требованиям Положения о порядке присуждения ученых степеней, утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (с последующими изменениями и дополнениями), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, отвечает паспорту специальности 12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право.

Таким образом, соискатель Глазунов Алексей Юрьевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право.

Официальный оппонент:
доктор юридических наук,
профессор кафедры
предпринимательского права
юридического факультета
Федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Московский государственный
университет имени
М.В.Ломоносова»

Шиткина Ирина Сергеевна



Контактные данные:
119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы,
д. 1, строение 13 (4-й учебный корпус)
Тел.: +7 (499) 706-00-60 (доб. 246, 248)
Адрес эл. почты: predprim@predprim.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
диссертация:
12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право, семейное право,
международное частное право